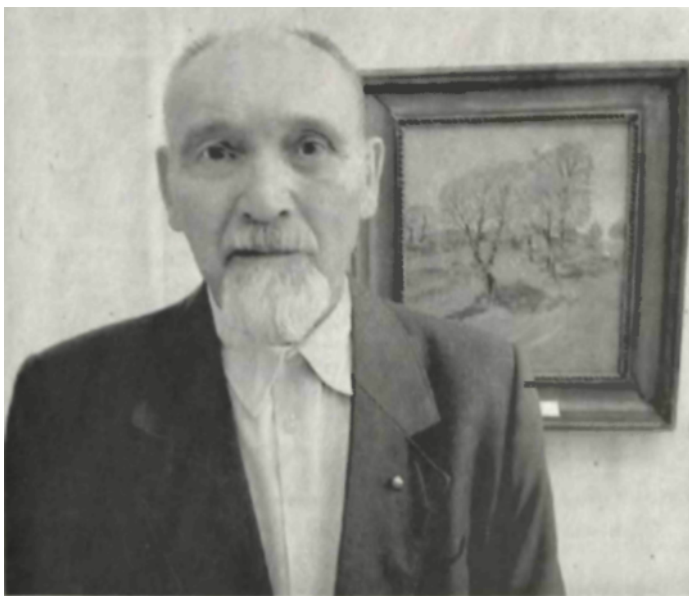

Человек, который не спешил

Когда мы с ним встречались, я все время думал: «Вот человек какого-то не нашего времени, чуваш из мира поэмы «Нарспи», мира чисто чувашского со своими устоями и особыми представлениями о добре и зле, о том, каким нужно быть человеку». Несуетный, спокойный, радушный. С ним можно было поговорить обо всем в любое время суток, потому что художник Геннадий Ильич Исаев всегда, как мне кажется, придерживался чувашского принципа «ан васка!» (не спеши!).

Он любил неторопливые беседы, этот «размен мыслей и чувств», но мог и горячо полемизировать. Своей мыслью и нравственной, хотя и не декларируемой, позицией он отличался и был способен отрешаться от «забот суетного света». В то же время помимо искусства он живо интересовался людьми, политикой, литературой, всем происходящим в пространстве чувашского.

Геннадий Ильич любил читать наизусть стихи любимых и особо почитаемых им поэтов. Иванова, Сеспеля, Митты. В один из дней золотой осени как-то я встречаю его на улице, он возвращался, видимо, из сада, с котомкой за плечами. И вдруг он начинает декламировать стих: «Есть в осени первоначальной//Короткая, но дивная пора...» Это был Пютчев. Беседовать с ним, «разменивая» впечатления,

слушать чтение им стихов было большой роскошью. Мы сидели иногда вдвоем, втроем, не чуждался он и больших компаний. Его речь была важна особой доверительностью тона, он всегда лично воспринимал события, иногда тонко острая предмет разговора иронией. Еще звучит в памяти его смех — сдержанный, незлобивый. В разговоре и в своем бытовом поведении Г. И. Исаев часто бывал по-детски непосредствен и порой наивен. Редкое качество в наше время.

Все черты характера Геннадия Ильича воплотились в его живописи. Тихой, сосредоточенной, неброской. Его пейзажи таят в себе прелесть обыденного, незаметного. Он был способен очаровываться, словно следовал японскому принципу **тядо** — идти по пути чистоты и утонченности.

Окрестности Кугесь и

родного Аксарина были его излюбленными местами. Художник мог по многу раз писать один и тот же пейзажный мотив в разное время года и суток, его влекло данное конкретное место, и он неустанно возвращался к нему. Сливался душой с таким родным чувашским ландшафтом и бережно переносил на холст или картон свое ощущение, этот неведомый зов.

Сейчас Природа-Мать приняла его в свои объятия. Но то тайное, что художник успел увидеть и запечатлеть в своих работах, он оставил для нас. Это слабое утешение, и нам будет не хватать его радушия, доброжелательности и душевного тепла. Остается повторить вслед за ним пютчевские строки: «Лишь паутины тонкий волос//Блестит на праздной борозде...»

А. ХУЗАНГАЙ.